

Глава 12

— Вот блин, какой же ты противный!

Юй Жань, дослушав, отреагировал бурно. Он скрестил руки на груди в защитном жесте, отступил от Фан Чжао и с выражением омерзения протянул «Фу-у-у».

— А я тут при чём? Это же ты сам сказал, что тебе было приятно, когда Чу Мянью тебя связывал!

— Фан Чжао повернулся к Чу Мянью: — Чу Мянью, ты его больше не связывай, сразу плетью стегай. Юй Жаню это точно больше понравится.

У Чу Мянью от их перепалки голова раскалывалась. Он потёр виски и, потеряв терпение, сказал:

— Я спать хочу. Заткнитесь вы оба.

Не прошло и пяти секунд, как Чу Мянью действительно закрыл глаза и, уронив голову на парту, отключился. Юй Жань протянул палец и легонько ткнул его в щёку, проверяя, реагирует ли тот.

Фан Чжао перехватил его руку и тихо сказал:

— Хватит. Хватит уже задирать Чу Мянью. Он не такой, как все.

— А в чём разница? Только спит больше нас.

— Не только. Есть ещё... много чего.

Фан Чжао было трудно сформулировать. Он думал, Юй Жань сам поймёт, о чём он.

В глазах Фан Чжао образ Чу Мянью был где-то высоко-высоко на пьедестале. Обеспеченная семья, выдающаяся внешность, успехи и в спорте, и в учёбе. Даже с его сонливостью он оставался само совершенство, словно главный герой из манги — печальный принц на белом коне, осыпанный бесчисленными лучами славы.

Не то чтобы грубые мальчишеские игры вроде «поймать за пипку» или «смертельный удар»

— Фан Чжао даже обычные шутки с намёком стеснялся рассказывать при Чу Мянью. Казалось, они осквернят того через сам воздух.

— Фан Чжао, а ты знаешь, в чём главное различие между тобой и Чу Мянem?

— Во всём!

— выпалил Фан Чжао, но Юй Жань ответил:

— В том, что ты носишь очки, а Чу Мянь — нет.

И это называется «главное различие»?.. Фан Чжао решил, что Юй Жань снова городит чушь.

Юй Жань выпрямился и сказал:

— Я пообещал Чу Мяню, что буду относиться к нему как к мужчине, который ничем не слабее меня. С того самого момента он для меня ничем не отличается от других. Разве что спит больше. Так что... всё, на что способны мы, на то способен и Чу Мянь.

Слушая этот безапелляционный тон, Фан Чжао слегка засомневался:

— Слова-то такие правильные, но это же не значит, что Чу Мяню нравится, когда ты над ним так издеваешься... Он же явно из тех, кто предпочитает одиночество.

— А ты не заметил, что в последнее время в нашей компании Чу Мянь стал заметно активнее?

— парировал Юй Жань.

— Это он из-за твоих выходок злится.

— Ничего страшного. Если Чу Мянь по-настоящему разозлится, он просто будет держаться от меня подальше.

С этими словами Юй Жань снова не удержался и, облокотившись на спинку стула, принялся рассматривать задремавшего Чу Мяню. Ресницы того от природы загибались вверх, а изгиб глаз был невероятно красивым.

Юй Жань хмыкнул и продолжил:

— Чу Мянь из тех, кто ртом говорит «нет», а тело само тянется. Вчера я дал ему крекеры с крабом и «Гуайгуай», он их на уроке потихоньку слопал. Я думаю, ему, может, и нравится, когда с ним в «поймай пипку» играют.

— ...Между этими двумя вещами нет причинно-следственной связи!

— Короче, Чу Мяня не нужно относиться к нему как-то по-особенному.

— Юй Жань торжественно объявил Фан Чжао свой вывод.

— Если ты считаешь его другом, то не обращай внимания на то, чем он от тебя отличается. Вы оба — обычные люди, и каждый из вас уникален.

Фан Чжао опешил. Он не ожидал, что из уст Юй Жана вылетит такая наставительная тирада. Он уже начал проникаться уважением, как вдруг снова услышал самодовольный вздох Юй Жана:

— Эх, я, например, — избранник судьбы.

Тёплый послеполуденный час прошёл за второстепенными предметами с нестрогой дисциплиной. После большой перемены, наконец, наступил долгожданный урок факультатива для первокурсников.

Фан Чжао собрал рюкзак и, обернувшись, спросил:

— Юй Жань, на какой кружок ты на прошлой неделе записался?

— Баскетбол, конечно.

— Заливаешь. Староста же сказала, что в баскетбольную команду мест нет, можно выбрать только волейбол или бадминтон.

— Она нас обманула.

— Юй Жань встал и приблизился к Фан Чжао, прикрыв рот ладонью, и заговорщицки прошептал: — Я на днях тайком видел регистрационный лист. Какие там «мест нет»

— у нас в классе всё пусто. Может, это какой-то другой класс все места расхватал, а может, учителя специально нас не пускают.

Фан Чжао отнёсся с сомнением:

— Да ну? А какой им смысл нацеливаться именно на наш класс?

— А мы же экспериментальный класс! Наверняка это госпожа Бай считает, что парням баскетбол мешает учёбе. Я слышал, у команды Чэн Цзюня тренировок до фига, перед соревнованиями они вообще часто прогуливают уроки!

— Уголки губ Юй Жаня поползли вверх.

— Хорошо, что я догадался — втихаря, пока Сян Сюэхуа не видела, вписал своё имя.

— Ну ты даёшь.

— Фан Чжао улыбнулся.

— Ладно, я пошёл. Мне в хор.

Юй Жань показал ему «ОК» рукой и, повернувшись, спросил у Чу Мян:

— А ты куда?

— На крышу.

— Чу Мян неторопливо собирал рюкзак.

— На крышу? А, ты про верхнюю площадку лабораторного корпуса.

— Юй Жань вышел следом.

— А что у вас там за кружок? «Клуб прыгунов с крыши»?

— ...Естественнонаучное общество.

— Чу Мян совсем не хотелось серьёзно объяснять Юй Жаню, поэтому он сказал попроще: — Бумажные самолётики складываем. У кого дальше улетит.

Юй Жань почувствовал невольное превосходство:

— Пф, скука. А знаешь, куда я сейчас пойду? В баскетбольную команду.

— Я только что слышал, как ты говорил.

— Чу Мянью, никак не изменившись в лице, глубоко вздохнул и без энтузиазма закончил фразу за Юй Жаня, избавив его от дальнейшего хвастовства: — Элитный кружок Чэн Цзюня, круто, уроки можно прогуливать, мест нет. Ты догадливый.

Юй Жань был страшно доволен. Он издал смешок «хе-хе» и наконец, в порыве самодовольства, даже не удосужившись попрощаться с Чу Мянью, схватил рюкзак и, шагая навстречу солнцу, направился напрямиком в спортзал.

А там он обалдел — в огромном зале, кроме него самого, не было ни одного представителя мужского пола. Перед глазами маячили только высокие девушки в майках-борцовках и шортах. Физрук свистком собирал всех в кучу. Увидев симпатичного юношу, который, как истукан, стоял в сторонке, тот тоже удивился:

— Этот... тоже девушка?

Рядом оказался одноклассник-физорг, и тот, не зная, смеяться или плакать, спросил:

— Юй Жань, ты как сюда попал?

Юй Жань, ничего не понимая, ответил:

— На факультатив. Я на баскетбол записался.

Тренер усмехнулся:

— В нашей школе только женская баскетбольная команда. Как же ты записался? Тебе классный руководитель не говорил?

Юй Жаня словно гром среди ясного неба поразила. Вся недавняя радость улетучилась.

Он бросил рюкзак и уныло присел на корточки, сам с собой бормоча:

— Ну что им стоило слово «женская» в регистрационном листе написать? Я же на уроке не помню, что учительница говорила...

Тренер попытался его утешить:

— Ничего страшного. Иди сейчас, куда хотел. Время ещё есть.

Юй Жань какое-то время сидел на корточках молча, потом вдруг, словно приняв решение, поднял голову и твёрдо заявил:

— Тренер, я хочу играть в баскетбол.

В конце концов, он только что строил из себя крутого перед Фан Чжао и Чу Мянem. Если он вернётся несолоно хлебавши, его будут дразнить ещё несколько дней.

— ...Но у нас женская команда.

— Пустите меня просто поиграть с вами!

— Глаза Юй Жаня засияли, на лице расцвела умоляющая улыбка.

Тренер, поколебавшись, был в нерешительности.

Лицо Юй Жаня от природы располагало к себе. Черты лица тонкие и правильные, а когда он улыбался, особенно ярко проявлялась наивная и обаятельная красота, присущая пятнадцатилетним парням. Особенно когда он с кем-то просил о чём-то — в его взгляде читалось чистое ожидание. Когда он, послушно задрал голову, смотрел в глаза, это почти подсознательно заставляло собеседника соглашаться.

Тщательно всё обдумав, тренер наконец удовлетворил его просьбу.

Так Юй Жань с честью стал почётным агентом-запасным игроком второй группы женской баскетбольной команды школы Чэнцзюнь.

— Мяча-то не дают!

— в полном отчаянии Юй Жань был вынужден покинуть баскетбольный зал.

До конца уроков было ещё долго. Он слонялся по школе с рюкзаком, от нечего делать наблюдая, как на стадионе однокурсники пинают мяч и играют в баскетбол. Убив немного времени, Юй Жань вспомнил, что Чу Мян на крыше складывает самолётики, и сразу поднялся туда, чтобы поиграть с ним.

Верхняя площадка лабораторного корпуса была высотой всего в три этажа и соединялась с учебным корпусом крытым переходом. Крыша была широкой и всегда служила местом для занятий малопопулярных кружков. По периметру её окружала высокая защитная сетка. Обычно сюда приходило обедать и болтать много учеников, а перед вечерними занятиями здесь часто назначали свидания старшеклассники и старшеклассницы, чтобы подышать вечерним ветерком.

Юй Жань поднялся и, расспросив прохожих о местонахождении Чу Мян, нашёл его в тенистом уголке. Тот спал прямо на полу, подстелив под себя несколько чистых листов газеты.

Юй Жань сел рядом, почувствовал, что пол холодный, и осторожно приподнял голову Чу Мяня.

Во сне Чу Мянью с трудом воспринимал происходящее вокруг. На этот раз его кошмар был о том, что он в воде, а за ним гонится гигантская акула с разинутой пастью. Уворачиваясь, он почувствовал, что горло пересохло — хотелось дышать, хотелось кричать. И тут он внезапно проснулся.

Каждый раз, выбираясь из кошмара, он чувствовал себя так, будто выжил после смертельной опасности. Сердце бешено колотилось, накатывала тревога. Но в этот момент в ноздри ударил лёгкий запах яблочного мыла — сладковатый, не приторный. Сам воздух, казалось, стал мягче.

Он ещё не пришёл в себя и только инстинктивно потянулся вперёд.

— Выспался?

— тихо спросил его кто-то.

Чу Мянью с запозданием осознал, что знакомый голос принадлежит... Он резко поднял голову и обнаружил, что лежит на коленях у Юй Жаня. Эта дурацкая ситуация заставила его напрячься ещё больше, сердце забилось чаще от испуга.

Опершись рукой о пол, он сел, взъерошил волосы и, избегая взгляда Юй Жаня, спросил:

— Ты как здесь оказался?

— Баскетбол, оказывается, не так уж и интересен, — улыбнулся Юй Жань.

— Мне больше хотелось поиграть с тобой.

Чу Мянью на мгновение замер, потом равнодушно ответил:

— Ага.

Юй Жань и не подозревал, что его умышленное сокрытие истинной причины приведёт к тому, что настроение Чу Мяня переменится от недоверия к чему-то более тонкому. Чу Мянью быстро забыл о только что приснившемся кошмаре. Его настроение постепенно прояснилось, и даже появилось чувство спокойствия.

Юй Жань, прищурившись, посмотрел на небо и сказал:

— На этой крыше солнце слишком печёт. Глянь, у меня лицо красное?

Чу Мянью взглянул.

— Нет. Нормальное.

— Но горячо же!

— Юй Жанью закрыл лицо ладонями.

— Пошли отсюда, купим мороженого.

Когда он убрал руки, то почувствовал боль в щеке. Подняв глаза, он увидел, что это Чу Мянью его щиплет.

— Ты чего?

— Проверяю, насколько горячо.

Чу Мянью сильно сжал кожу. Юй Жанью тут же скривился и зашипел, выражение его лица было презабавнейшим. Чу Мянью вдруг понял, что ведёт себя по-детски, и тут же отдернул руку, пряча лёгкую улыбку, и вернул лицу невозмутимое выражение.

Юй Жанью, потирая щеку, разглядывал Чу Мянью и заметил, что его лицо покрывает румянец, более глубокий, чем отблеск заката.

— Чу Мянью, — окликнул его Юй Жанью и протянул ему руку.

— Сдави мне её, как полотенце выжимаешь. Двумя руками.

Чу Мянью сделал, как было сказано. Когда кожа на обеих сторонах предплечья натянулась в разные стороны, Юй Жанью невольно издал стон:

— Как круто!

Этот звук испугал Чу Мянью, да и окружающие начали оборачиваться. Юй Жанью, казалось, было мало, он протянул другую руку:

— Эту тоже.

— Тебе не стыдно?

— Чу Мянью быстро отдернул его руку и, покраснев, схватил рюкзак и в негодовании удалился.

* * *

Чу Хэн несколько раз позвала «Мее-мее», но ответа не последовало. Решив, что тот снова уснул, она подошла ближе и увидела, что Чу Мянью в наушниках, низко наклонившись над столом, быстро что-то пишет.

— Ты опять пишешь свою «Книгу смерти»?

— Чу Хэн поставила на стол тарелку с фруктами. Шум привлёк внимание юноши, и он тут же прикрыл блокнот руками, незаметно пододвинув его к себе, чтобы Чу Хэн не заглядывала.

Чу Хэн раньше случайно видела, что там внутри. Она не ожидала, что племянник записывает всё, что ему не нравится, и что там немало записей, касающихся её самой. Видя, что Чу Мянью не оставил эту привычку и до сих пор, Чу Хэн с чувством сказала:

— Ты бы лучше по-другому делал. Записывай побольше того, что тебе нравится. Тогда, когда будет свободная минутка, пролистаешь — настроение станет лучше.

— То, что мне нравится, я и без записей запомню, — Чу Мянью было лень даже смотреть на неё.

— А вот для того, что не нравится, нужна причина. Если я снова с этим столкнусь, я смогу напомнить себе, что этого надо избегать.

Чу Хэн протянула ему раскрытую ладонь.

— Тогда дай посмотреть, что ты сейчас написал. Что так много? Ты опять обо мне плохое пишешь?

Чу Мянью прижал блокнот к груди и отрицательно покачал головой:

— Нет. Я просто дописываю то, что забыл записать в последнее время.

В ближайшее время были экзамены, домашних заданий стало больше. После школы, повторив уроки, он сразу ложился спать, чтобы сохранить бодрость духа. К тому же в последнее время в школе настроение у него было довольно хорошим, и он редко сталкивался с вещами, которые вызывали бы у него отвращение.

— Эх... А я для одного человека приготовила сюрприз.

— Чу Хэн нарочно изменила голос, сделав его пронзительным.

— Ну, не хочешь говорить правду — и ладно. Хорошую вещь я оставляю себе.

Эти слова заставили Чу Мянэ заколебаться. Подняв голову, он увидел, что тётя и правда держит что-то за спиной в обеих руках. Он прикусил губу, убрал руки с блокнота и бросил его на стол, буркнув:

— Хочешь дать — давай. Не хочешь — не надо.

Чу Хэн фыркнула, но, ничего не поделаешь, протянула ему приготовленную коробку. Внутри оказался новенький айфон пятой модели. В Китае они ещё не продавались. Она попросила друга прислать два из Америки, один из них — для Чу Мянэ.

Это действительно был неожиданный сюрприз для Чу Мянэ, но он не выказал радости. Только с каменным лицом взял телефон, бегло осмотрел и отложил в сторону, словно новый телефон был менее интересен, чем английский словарь.

— Ах ты! А ещё говоришь, что мой суп из маша невкусный. Я смотрю, ты его выпил немало... Тридцать девять... Сорок... Кто этот Юй Жань?

— Чу Хэн заинтересовалась «новой статьёй» в блокноте.

— Это одноклассник?

— Ага.

— А почему ты назвал его «магглом»?

— Он тупой.

— Чу Мянэ был краток.

Когда они только познакомились, Юй Жань раздражал своей глупостью, а теперь его глупость стала просто вопиющей.

Особенно в последние несколько дней. Юй Жань неизвестно где научился странному поведению и постоянно приставал с просьбой «сдавить руки», говоря, что от этого кожа на предплечьях становится горячей и острой, словно по ней проходит электрический ток, и что это «адски круто». И вот, на каждой перемене Юй Жань, развалившись, раскидывал руки в стороны: одну — к Фан Чжао, другую — к Чу Мянэ, чтобы они сдавливали их одновременно.

Псих... При одной мысли о тех странных взглядах, которыми их награждали одноклассники, Чу Мяня бросало в дрожь от стыда. Ему даже казалось, что у Юй Жаня и впрямь есть какие-то особые наклонности.

Но ещё больше его злила привычка Юй Жаня «молоть языком». На уроке самоподготовки они играли в «крестики-нолики» на бумаге: один рисовал нолики, другой — крестики. Каждый раз, когда Юй Жань хотел поиграть, он поворачивался и громко спрашивал: «Чу Мянь, давай крестики-нолики?» А если кто-то звал его по делу, он громко отвечал: «Некогда, я с Чу Мянем в крестики-нолики играю».

У пятнадцати-шестнадцатилетних юношей и девушек, переживающих период полового созревания, некоторые двусмысленные слова легко вызвали эротические фантазии. Всё, что было связано с «сексом», заставляло их, понимаясь переглядываясь, расплываться в таинственных улыбках. Юй Жань никогда не думал, прежде чем сказать, и поэтому постоянно втягивал Чу Мяня в неловкие ситуации, заставляя того выслушивать странные взгляды окружающих.

<http://bllate.org/book/15486/2298988>